

классическое наследие

Меркулов Иван Михайлович,
*соискатель кафедры русской филологии
Московского государственного областного университета,
научный сотрудник кафедры
эстетического образования и культурологии
Московского института открытого образования
katarsis82@list.ru*

Особенности творческого пути К. Д. Бальмонта в 1920 -е годы

Творческое наследие К.Д. Бальмонта после 1920 г. велико и требует тщательного и всестороннего изучения. В эмиграции большинство современников Бальмонта считало его творчество беженского периода ущербным по отношению к прежнему, принесшему поэту настоящую поэтическую славу. Б.К. Зайцев писал: «Эмиграция прошла для него под знаком упадка. Как поэт он вперед не шел, хотя писал очень много». Подобные отзывы [24, с. 46-52] в адрес Бальмонта являлись в большей части жестоким заблуждением, которое получило свое начало еще в России, с выходом в свет сборника стихотворений «Литургия Красоты» (1905).

Поэтическое наследие Бальмонта 1920–1930-х годов должно быть собрано, систематизировано и подвергнуто тщательному изучению. Такая установка является, на наш взгляд, необходимой для современного бальмонтоведения.

Мы разделили творчество Бальмонта, созданное в Русском зарубежье, на три этапа: творчество 1920–1927 гг. (I этап), 1927–1932 гг. (II этап) и 1932–1937 гг. (III этап). После 1937 г. в творчестве Бальмонта наступил «этап молчания», связанный с душевной болезнью поэта.

Остановимся на первом. В этот период были изданы следующие книги: «Избранные стихотворения» (Нью-Йорк: изд-во М. Гуревича, 1920), «Гамаюн: Избранные стихи» (Стокгольм: «Северные огни», 1921), «Дар земле: Сборник новых стихов» (Париж: «Русская земля», 1921), «Из мировой поэзии» (Берлин: «Слово», 1921), «Светлый час: Избранные стихи» (Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1921), «Сонеты солнца, меда и луны. Песня миров» (Берлин: изд-во С. Ефрона, 1921. – изд. 2-е), «Марево: Стихи 1917–1921»

(Париж: «Франко-русская печать», 1922), «Воздушный путь: Рассказы» (Берлин: «Огоньки», 1923), «Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних» (Берлин: «Слово», 1923. – изд. 2-е), «Под новым серпом: Автобиографический роман» (Берлин: «Слово», 1923), «Пронзенное облако» (Берлин: «Огоньки», 1923), «Мое – Ей: Поэма о России» (Прага: «Пламя», 1924), «Линия лада» (Чураевка (США): «Алатас», 1926).

Этот период творчества наиболее плодотворный. Бальмонт создает в короткий срок несколько книг лирики, прозы, переводы. Это отчасти объясняется нехваткой средств к существованию, отчасти стремлением заглушить в себе гнетущую тоску по Родине, преодолеть холодное непонимание и презрение, с каким его встретила русская парижская литературная богема. Хотя двери эмигрантских журналов были открыты перед известным поэтом: в этот период произведения Бальмонта появляются на страницах периодики наиболее интенсивно. Но Бальмонта все же привлекают французские журналы: «Русская эмигрантская пресса ему кажется очень скучной, даже противной. Он стоит в стороне от нее, старается больше печататься во французских журналах» [1, с. 426]. Этот факт объясняет враждебное отношение к Бальмонту со стороны литераторов-эмигрантов. В начале 1920 г. Бальмонту приходится особенно много работать: выделяя средства из своих скудных гонораров, поэт часто отправляет посылки, денежные переводы своей семье, оставшейся в России, – Е. Андреевой-Бальмонт и дочери Нине. В эти годы поэт остро ощущает отчуждение от всего, даже в некотором роде от страсти к творчеству, так как Бальмонт знает, что русский читатель для него безвозвратно потерян: «Я знал, уезжая, что еду на душевную пытку. Так оно и продлится. Что ж, из сердечной росы вырастают большие мысли и завладевающие напевы. Я пишу. Мои строки находят отзвук и будут жить. Меня больше это не радует никак» [1, с. 519], – сообщает он 26 декабря 1920 г. в письме к Екатерине Андреевой. Но, несмотря ни на что, Бальмонт все же искал своего читателя.

Первой книгой в эмиграции был сборник избранных стихотворений [8], изданный в 1920 г. в престижном нью-йоркском издательстве М.Гуревича. весьма активно действовало на нью-йоркском книжном рынке это издательство. «The Universal Book Agency» [Агентство универсальной книги. *Пер. мой. – И.М.*] М. Гуревича предлагало большой выбор русских и еврейских книг, в частности изданные в России собрания сочинений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и др., а также англо-русские словари и самоучители» [17].

В декабре 1920 г. Бальмонт обращается в письме к профессору Е.А. Ляцкому, руководителю издательств «Пламя» и «Северные огни», с просьбой опубликовать его книгу избранных стихотворений «Гамаюн» [4]. Ляцкий не остался равнодушным к

предложению поэта, и в 1921 г. издал «Гамаюн» и привлек Бальмонта к сотрудничеству в пражской газете «Огни» (1924) [20, с.364].

В издательстве «Пламя» вышел сборник очерков Бальмонта «Где мой дом?». Это первое произведение поэта, которое было встречено русской эмигрантской критикой с пониманием и уважением: «<...>Яркие, палящие, несущиеся вихрем страницы <...> мысли вслух...» – так оценивал книгу Б. Еврейнов [21, Т. 3., с. 66]. Рецензент книги П. Потемкин [21, Т. 3., с. 67] совершенно точно подметил, что Бальмонт намного счастливее всех остальных эмигрантов: утратив родину географическую, он обретает ее в своем слове. Эта книга состоит из внутренне связанных между собой 25 очерков. В качестве эпиграфа Бальмонт поместил свой сонет «Только». Если ранее Бальмонта – с его страстью к изучению иностранных языков, освоению иноземных культур, постоянным путешествиям – многие могли счесть за космополита, то теперь в сонете-эпиграфе «Только» он открыто отрекается от «радости цветастого Каира»; от Явы, «где живет среди руин...светильник Белый мира»; от Бенареса, «где грозового пира желает Индра»; от Рима, «где слава дней еще жива» [5, с. 209]. Из всех обозначений древних городов мира выделено как необходимое лишь одно «слово» – «Москва» [6, с.209].

Книга «Где мой дом?» написана в форме воспоминаний. Из-под «парижского неба» Бальмонт мыслями возвращается к прошлому, домой, в Москву. Образ Москвы доминирующий; подробно воссоздана автором послереволюционная жизнь в Новогиреево. В конце книги описывается мистическая встреча главного героя с крестьянкой. Этот необычный персонаж очерка приобретает расширительное значение – за ним угадывается символический образ мученической, многострадальной России. Крестьянка одета в «длинный темный кафтан, похожий на монашеское одеяние» [5, с. 299]. Примечательно, что символ расшифровывается в самом тексте произведения. Марина Цветаева объясняет автобиографическому герою: «Ведь это же к вам приходила – Россия» [5, с. 300].

Повествование усиливается полуриторическим философским вопросом «Где мой дом?» Главный герой знает ответ на данный вопрос, хотя не осознает своего положения в полной мере. Сама Россия помогает герою осознанно прозреть свой «дом», понять истинную Родину.

В очерке «Без русла» Бальмонт написал: «Основное остается, как правило жизни для каждого дня и каждого нового тяжелого месяца. Это основное: я на чужбине, я вне действительной связи с душою здешней жизни, и я вне действительной связи с моей Матерью, с моей Родиной, хоть от меня туда и оттуда до меня доходят веяния души. Доходит голос сердца, которое бьётся еще живо, не умерло, но бьётся тяжело, с мучением,

которому исхода не вижу» [5, с. 276]. До конца своих дней Бальмонт будет ощущать эту «недействительную», невидимую духовную связь с Родиной.

В 1921 г. в Париже в издательстве «Русская земля» вышел сборник Бальмонта «Дар земле». Стихотворения, вошедшие в него, написаны были еще в Москве – сборник «Перстень» и неизданная книга «Тропинки огня» [20, с. 391]. «Дар земле» открывается лирическим посвящением Русской земле «Мать моя»:

Мать моя, бываешь ты безумна,
Но за мигом крайних исступлений,
Ты даешь восторг молений... [6, с.5]

Лирический герой клянется в любви к Родине и преподносит свой «дар» – свое творчество, «стих», «звон узорный». И даже в «бездне черной», на чужбине, он горит огнем вдохновения, – не «сожжен пожаром» революций, не сломлен политическими катаклизмами. В сонете «Дар земле» обыгрывается процесс «колдовства», когда смешиваются две крови.

«Зывом чар» сочетается стих со снегом, «обрызганным звездой»:

Еще тот снег, что с пылью незнаком,
В комок слепив, обрызгал я звездою.
Все это сочетал зывом чар [6, с. 6].

Снег – символ земной чистоты и звезда – символ небесной бесконечности – соединяются в одно целое. Здесь мы наблюдаем прием наложения символов, в результате чего происходит «склеивание» значений «конечного» и «бесконечного» объектов на основании схожего цвета (белый). Далее в «смесь» стихов и снега, «обрызганного звездой», добавляется горсть «родной землицы» и два пера «из крыльев быстрой птицы» (два пера символизируют воздух и полет), при этом сжигается «старый дом», предается забвению прошлое, оно сгорает, оставляя след «в разбеге строк».

Поэтический рецепт «колдовства» довольно простой: любовь, ненависть, отвага, поэзия, невинность, стремление к бесконечности, воздушность, легкость и отречение от прошлого (как отречение от прежних обид) – это и есть «дар» человека-поэта родной земле. Сборник «Дар земле» насыщен световыми образами: Солнце, Луна, Лучи, Северное сияние, звезды... Эти образы-символы приобретают зловещее звучание в таких стихотворениях, как «Пламецвет», «Зеленый диск», «Погаснет солнце», «Путь» и др. Они сопутствуют мотиву родины, воспоминаний («Ночной дождь»). Лирический герой стихотворения «Древние» сознает себя носителем всей мировой истории – всего пути от истоков зарождения земли:

Я чувствую, что я древнее, чем Христос,

Древнее первого в столетьях Иудея,
Древней, чем Индия, Египет и Халдея,
Древней, чем первых гор пылающий откос [6, с.24].

Современный человек впал в богоборческое бунтарство, противоречивый характер которого лирическими средствами поэт осмысливал на протяжении всего творчества. Экспрессивное самовыражение, акцент на самоценности человеческой личности часто заводит лирическое *Я* в тупик. В стихотворении «Древние» герой передает ощущение возврата доисторической жизни, с большой горечью констатирует он погружение современности в безверие.

Всех вер священнее – медуза [6, с.24].

Однако это до-духовное состояние жизни, завладевая человеческим «я», имеет потенциальное свойство зачинать религиозное основание.

Тема любви в сборнике «Дар земле» с одной стороны, раскрывается традиционно для Бальмонта – как тайное угадывание, постепенное воссоздание и неожиданное постижение образа возлюбленной («Непобежденный», «Звезда», «Я и ты» и др.). С другой стороны, – в центр поэтической мысли помещается духовная сущность любимой. Автор прибегает к оригинальному толкованию имен. Женское имяславие представлено довольно широко: Агнесса, Анна, Ася, Варя, Дагни, Елена, Зэльда, Инамэ, Катерина, Кира, Лия, Мейта, Ниника, София, Эсфирь. Каждому имени посвящено отдельное стихотворение, Весь ряд соединен одной лирической цепью и поэтической темой. Эти «лирические толкования» предваряются стихотворением «Имена», где трактуется каждое имя. Мы узнаем, что Мирра – это «блеск и сладость сна», Елена – «лунная», Катерина – «вся в брызгах молний». Предпоследнее стихотворение сборника – «Примирение». Речь идет о восстановлении согласия с Родиной. Боль от обиды, возникшей при «набатном бешенстве и гуле», сжигается. Образ огня здесь выполняет двоякую поэтическую функцию – он является очищающим душу, обновляющим, и он же символизирует Россию, свет от которой – самая важная надежда, путеводная:

Но нельзя отречься от родного.

Светишь мне, Россия, только ты [6, с.158].

Вслед за «Даром земле» появляется первый сборник собственно эмигрантских стихотворений «Марево» (1922), композиция сборника трехчастная, стихи распределены по хронологическому принципу: 1) 15 стихотворений, написанных с 7 сентября по 28 декабря 1917 года в Москве; 2) 30 стихотворений, написанных с 1 октября 1920 по 21 мая 1921 года в Париже; 3) 45 стихотворений, написанных с 24 июля по 11 декабря 1921 года в Бретани.

В сборнике «Марево» Бальмонт намеренно искажает, даже уродует свою традиционную поэтику, обращаясь к символично-иносказательным образам, которые ярко подчеркивают трагическое состояние души лирического героя: «В “Марево” Бальмонт, пожалуй, впервые заставил говорить о себе как о поэте трагическом» [23, с. 33], – верно заметила исследователь Н. Молчанова. Поэт создает в своих стихах ужасный мир, окрашенный в красный, алый, багряный цвета. Бальмонт изображает кровавый апофеоз: «Земля сошла с ума. Она упиалась кровью, / Пролитой бочками. Нет, даже винный склад, / Где втулки вырваны, и вин багряный яд / Пролился на сто верст, и ввергнул в долю вдовью» [9, с.81]. Через образы-символы («красноперый петух», «химера», «темный кто-то», «жуткий цветок», «синь-пламень», «изумрудный попугай», «чужое окно», «оборотень», «Черный ирис», «золотая хризантема», «пастух» и др.) поэт обнажает сущность «сумасшедшей земли», причины всеобщего сумасшествия: «человек в человеке умолк» [9, с.12]. Одним из главных лейтмотивов сборника является мотив «страшного сна». Лирический герой обитает в пространстве «страшного мира» в надежде, что он наконец-то проснется и проснется «безоглядно стынувшая страна» [9, с.47]:

Вся земля задремлет в сне заклётом,
Чтоб весной, взглянувши в небосклон,
Прошептать, упившись ароматом: –
«Я спала. Мне снился страшный сон» [9, с.47].

Но желанный сон оказывается в действительности не сном, а «сонной быльё» («Снящийся цветок») [9, с.19]. Показательными для этого сборника являются два стихотворения – «Проклятая свадьба» и «Марево». В «Проклятой свадьбе» отмечается бессмысленность молитв, обращенных к Богу, – «Я устал молиться детски Богу». Невозможно молиться Богу – в то время как отдается замуж за палача «желанная Невеста», облаченная в «шутовской наряд». В финале лирический субъект формулирует горький вопрос: «Помнит ли она еще меня», прежнего «жениха»? За образом «Невесты» угадывается Россия. Подобная метафора-обращение имела прецедент в поэзии А. А. Блока еще в 1908 – 1916 гг.: «О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь!» [15, с.249]. Стихотворение же «Марево» звучит поистине пророчески в причудливой, странной, барочной стилистической манере. Античный образ яблока, образ раздора, войны, трансформируется и получает конкретное денотатное значение – поэт описывает атомный взрыв и его последствия:

Дымное яблоко шаром багрянится [9, с.90]

И далее яблоко градационно увеличивается в размерах:

Яблоко пухнет, до неба дотянется [9, с.90]

И наконец превращается в гриб (ядерное облако в виде гриба):

Адское яблоко стало как гриб [9, с.90].

Становится понятен смысл названия этого сборника: марево – туман, непрозрачность воздуха, т.е. неясность настоящего и будущего, окрашенная в трагические тона мирового масштаба:

Мечется шаром над мертвыми странами.

Мутное пламя на тысячу дней [9, с.90].

Неведение настоящего и ближайшего будущего в условиях катастрофического разлада души лирического героя с окружающим миром дает способность увидеть-прозреть отдаленное апокалипсическое будущее. Как один из пророческих русских поэтов, Бальмонт возвышается здесь до уровня лирического прорицания.

С 1921 по 1923 г. Бальмонт переиздает ряд своих книг стихов: «Сонеты солнца, меда и луны. Песня миров» в берлинском издательстве С. Ефрона и «Зовы древности: Гимны. Песни и замыслы древних» в издательстве «Слово». В этом же издательстве в 1923 г. выходят переводы Бальмонта под заглавием «Из мировой поэзии», а в 1923 г. первый автобиографический роман Бальмонта «Под новым серпом» в трех частях. Роман является явно антиреволюционным. В «Даре земле» было провозглашено примирение с Россией, но не с ее новой политической системой. Хотя Бальмонт неоднократно объявлял себя вне политической жизни, поскольку он поэт в первую очередь, непримиримость с коммунизмом, источником жестокого кровопролития, составляла сущность его позиции в период беженства.

«Я, считавшийся и бывший революционером, снова, в третий раз, после того как в России осуществилась революция, живу три года в Европе, без малейшего к тому желания. <...> Не думайте, что я зову кого-нибудь из уехавших или бежавших, из уехавших и оставшихся, из спасшихся от тяжелых мучений, может быть, смерти, – очертя голову вернуться в теперешнюю Россию, где право растоптано, где слово несвободно, где нет первооснов человеческой справедливости» [5, с. 275], – писал Бальмонт в очерке.

Он публично третирует большевистское правительство в «Открытом письме Кнуту Гамсуну», в «Обращении к Ромэну Роллану», в «Новом письме К.Д. Бальмонта Ромэну Роллану». Опубликованы были письма в парижской газете «Сегодня» и имели широкий общественный резонанс. Эти письма по своей сути – инвективные: «Большевики похожи на термитов, но никак не на пчел. <...> Миллион безработных, о которых говорит сам обер-шеф Сталин, Вам, Ромэн Роллан, не говорят ничего? То, что издатель поэтов и поэт Пашуканис расстрелян, – поэт Гумилев расстрелян, – поэт Блок замучен, доведен до сумасшествия и умер в расцвете сил, – что другой поэт, Есенин, проникшись омерзением

к лжи и низости быта, построенного на чекизме, повесился, – что вот совсем вчера мой сверстник, крепкий физически и духовно человек, раненый насмерть самоубийством своей жены. Не вынесшей того, что их не отпускали за границу, гениальный поэт Сологуб мученически угас и умер, – все это Вам не говорит ничего?» [11, с. 389]. По понятным причинам ответа не могло последовать на такие письма ни от Кнута Гамсуна, ни от Альфонса де Шатобриана, ни даже от Ромэна Роллана.

Роман «Под новым серпом» реализовал потребность запечатлеть воспоминания, опозитизировать их, избрав для героя имя любимого всеми эмигрантами святого – Георгия (Горика). В одном из писем к Дагмар Шаховской в 1923 г. Бальмонт писал: «Чувствую, что нет мне места на земле. Поехать в Москву плохо, оставаться во Франции плохо. Что ни сделай, всё будет плохо. И нигде не вижу просвета» [12, с. 229]. Сердце поэта всё больше полнится Россией, насильственное отчуждение от нее обостряет ностальгию. Тема Родины и мотивы тоски по ней, переживания за судьбу России становятся определяющими для творческого вдохновения Бальмонта.

Своеобразную трактовку тема России получает в книге стихов «Мое – ей: поэма о России» (1924). Бальмонт не просто преподносит свой «скромный» поэтический дар родной земле, он заново обретает свою родину – не политически или географически, но духовно, лирически. Никто не сможет «украсть», отнять у поэта, ничто не может помешать ему быть в России, воссозданной в собственном творчестве; поэтому в стихотворении «Мое – Ей», посвященном России, поэт обращается к теме связи с традицией:

Приветствую тебя, старинный крепкий стих,
Не мною созданный, но мною расцвеченный [10, с. 10].

Именно русский стих, который «полон прихотей лесного аромата» и «сговора зарниц», по своей природе способен передать глубину и многогранность образа России:

Но, слыша острый свист синиц,
Всегда лечу душой в родное [10, с. 11].

Сама форма стихотворения, строфики, обнаруживает тяготение к синтезированному построению разных типов строф: поэт чередует катрены и пятистишия с терцинами (рифмовка – абб ааб), – с целью орнаментального украшения стихотворной речи. Весь поэтический сборник окрашен в светлые тона – здесь очень много света, «славословий» Солнцу, теплу («Крещение светом», «Ночной путь», «Под солнцем», «В синем царстве», «Славословие Рыжему льву»). Константность световых образов в книге «Мое – Ей» не случайна – после жутких поэтических картин «Марева» Бальмонт впервые в эмиграции создает нежно просветленный лирический облик России:

Зовет к раскрытости весна.
От Солнца – ласка властелина,
Весь мир – одно окно лучу.
Светла в предчувствии долина.
О чем томлюсь? Чего хочу?
Всегда родимого взыскую,
Люблю разбег родных полей,
Вхожу в прогалину лесную,
Нет в мире ничего милей [10, с. 14].

В стихотворении «Властелину» образ Руси обожествляется, появляется православный мотив Светлого Христова Воскресения:

Повисли сережки берёзы плакучей, на иве желтеют цветы.
Христосуясь с милым, «Воистину!» молвив, мне душу овеяла ты.
«Воскресе! Воскресе!» В церковной завесе все складки вешали о том,
В усадьбе и в саде и в поле и в лесе весь воздух был полон Христом

[10, с.84].

Перед читателем и ценителем бальмонтской поэзии здесь Русь предстает не только как святая, светозарная, многоцветно пейзажная, помещицья (связана с образами старой дворянской усадьбы), но за светлыми ее чертами проглядывает языческая древность. Лирическое пространство Бальмонт насыщает мифолого-фольклорными образами: Жар-Птица, Царь-змей, Птица-огонь, Перун, Леший, Индра, Один, Тор. Среди них выделяется частотный образ Лешего – древнеславянского бога леса («Ночное гульбище», «Леший», «Каженник»). В стихотворении «Каженник» лирический герой – Каженник – противопоставляется силам Лешего: Лешачихе и младшему Лешему). Каженник – калека, человек, лишенный какого-либо органа, части тела [18, Т. 2., с. 74]. Согласно славянской мифологии леший повелевает ветром. И когда леший идет, спереди и сзади его сопровождает ветер, по направлению ветра можно определить путь лешего [2, Т. 2., с. 168-169]. Леший и Каженник в контексте стихотворения антонимичны. Леший и лешачиха олицетворяют собой темные силы – «В их глазах раскосых качается лесная темнота» [10, с. 43], Каженник – светлые – «Я сам – другой. Я светлый, молодой» [10, с.43]. Леший – это часть «бесовского действия» – яркий персонаж бальмонтского мифологизированного поэтического мира. Бесовское начало лешего подчеркивается перифразами: «лукавый плут с зеленой бородой», «знахарь зеленый». Леший – бес, запутавший лесные дороги, одурманивший шумом ветра разум каженника. Каженник позабыл дорогу к «родному дому», утратил родину. Мотив болезни, ущемленности

человеческой личности является в этом стихотворении главенствующим. Образ казенника – метафорический: человек с физическим недостатком приравнивается к человеку, потерявшему родину.

Неоднократно Бальмонт обращается к историческому прошлому своей страны. В стихотворении «Нерушимый» за основу берется легендарная история Древней Руси – «Сказание о Китеж-граде», описывается нашествие Батые на Русь. За этим аллегорическим образом скрываются революционные события в России 1905 – 1917 гг. Существовало множество версий Китежской легенды. Наиболее значимыми были две версии: старообрядческая и фольклорная. Для староверов Китеж – это символ непорочности и святости, жителям Китежа невозможно существовать в условиях пошлой действительности. Народное предание трактует эту легенду иначе – именно из-за своей непокорности врагам чудный город уходит под воду [19]. Бальмонт объединяет обе версии, и поэтому в стихотворении поэт подводит нас к выводу:

Жив на дне он, град подводный,
Служба в храмах там светла,
И о правде всенародной,
Чу, поют колокола [10, с.65].

«Правда всенародная» объединяет исчезнувшие святыни, ушедшие под воду, и современность, взывающую колокольным звоном ко всем соотечественникам, чтоб через покаянную молитву возродить былую мощь и красоту. Легенда о Китеж-граде, воссозданная Бальмонтом в «Нерушимом», – пример народного единения, которое уже само по себе чудо для славян.

В 1931 г. в Капбертоне Бальмонт напишет книгу, посвященную славянским народам, «Душа Чехии в слове и в деле». В ней Бальмонт призывает все славянские народы к единению, к культурному взаимопросвящению друг друга, знакомит с литературными произведениями Чехии и Польши. В этой книге Бальмонт сетует на «общеславянский недуг»: «Русский летописец нашей старинной были нашел верное слово для определения нрава наших предков: «Бредут розно». Это общеславянский недуг. <...> Русские – как поляки, болгары – как сербы, у славянина слишком часто недостает силы самосдержки, той сцепляющей силы государственного зодчества, которая как некий дар природный неотделима от нрава французского, немецкого, английского. И поэтому славяне слишком часто выковывали собственными руками тяжелые оковы» [7, с. 50]. Объясняется недостаток этой «сцепляющей силы» у русского народа, в частности, избытком в его характере пассивности и покорности.

Бальмонт идеологически не принадлежал ни к западничеству, ни к славянофильству, ни к «евразийству», ни к сменовеховцам, – он избирал свой путь – интуитивную лирическую веру в светлое грядущее России.

Началом сотрудничества Бальмонта с ньюйоркским издательством «Алатас» стала вышедшая здесь в 1926 г. книга «Линия лада» – сборник статей – ныне неизвестен и неизучен. Таким образом, первое шестилетие послеоктябрьского периода было завершено: оно прошло под знаком поиска образа России, т.к. уже к 1924 г. Бальмонт после трагических переживаний, нашедших воплощение в книге «Марево», начал переходить от образа кровавой России, от образа народа-преступника к образу страдальчески просветленной Руси.

Литература

1. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания / Под общ. ред. А.Л. Паниной. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1997.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М.: «Современный писатель», 1995.
3. Бальмонт К.Д. В раздвинутой дали: Поэма о России. – Белград, 1929.
4. Бальмонт К.Д. Гамаюн: Избранные стихи. – Стокгольм: «Северные огни», 1921.
5. Бальмонт К.Д. Где мой дом: стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма./ сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1992.
6. Бальмонт К.Д. Дар земле: Сборник новых стихов. – Париж: «Русская земля», 1921.
7. Бальмонт К.Д. Душа Чехии в слове и в деле (Издание, пер., вступит. ст., коммент. Дануше Кишцова. – Брно: Университет им. Масарика, 2001.
8. Бальмонт К.Д. Избранные стихотворения. Нью-Йорк: Издательство М. Гуревича, 1920.
9. Бальмонт К.Д. Марево; Стихи 1917 – 1921. – Париж: «Франко-рус. Печать», 1922.
10. Бальмонт К.Д. Мое – ей: Поэма о России. – Прага: «Пламя», 1924.
11. Бальмонт К.Д. Обращение к Ромэну Роллану // Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву: Письма и стихотворения 1926 – 1936 / Изд. подгот. К.М. Азадовский и Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука; Собрание, 2005.
12. Бальмонт К.Д. Переписка с Дагмар Шаховской \\ Новый журнал. – Нью-Йорк. – 1989. - № 176.
13. Бальмонт К.Д. Северное сияние: Стихи о Литве и Руси. – Париж: «Родник», 1931.
14. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. – М.: «Издательство В. Шевчук», 2000.
15. Блок А. А. Три века русской поэзии / Сост. и авт. вступ. ст. Н. В. Банников. - М.: Просвещение, 1986.
16. Бонгард-Левин Г.М. Из «Русской мысли». – СПб.: Алетейя, 2002.
17. Вишнякова Н.В. История русской книги в США (конец XVIII в. – 1917 г.) / Н.В. Вишнякова; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук.; науч. Ред. С.А. Пайчадзе. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2004.
18. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: УВВУС? 1955.
19. Комарович В.Л. Китежская легенда (опыт изучения местных легенд). – М. – Л.; 1935.
20. Куприяновский П.В. Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. – Иваново: Иваново, 2001.
21. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918-1940): Книги. – М.: РОССПЭН, 2002.

22. Молчанова Н. А. Предисловие // Бальмонт К. Д. Бальмонт Светослужение. – Воронеж: Изд. ВГУ, 2005.
23. Молчанова Н.А. «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К.Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов//Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2002. – Выпуск 5.
24. Николаева К. С. Константин Бальмонт в восприятии писателей Русского зарубежья // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 /Иван. гос. ун-т. Иваново, 1996.
25. Эллис. Русские символисты. – Томск: Водолей. – 1998.